

Платон

Федон

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 101
ББК 87
П37

П37

Платон

Федон / Платон – М.: Книга по Требованию, 2012. – 72 с.

ISBN 978-5-458-04354-0

Платон - античный философ, основатель философской школы, получившей имя Академия, а также платонизма как философского, философско-религиозного и культурного течения.

В диалоге "Федон" Платон развертывает систему доказательств бессмертия души.

ISBN 978-5-458-04354-0

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2012

Платон
Федон

Платон
ФЕДОН
Эхекрат, Федон
[Вступление]

Эхекрат. Скажи, Федон, ты был подле Сократа в тот день, когда он выпил яд в тюрьме, или только слышал обо всем от кого-нибудь еще?

Федон. Нет, сам, Эхекрат.

Эхекрат. Что же он говорил перед смертью? И как встретил кончину? Очень бы мне хотелось узнать. Ведь теперь никто из флиунтцев подолгу в Афинах не бывает, а из тамошних наших друзей, кто бы ни приезжал за последнее время, ни один ничего достоверного сообщить не может, кроме того только, что Сократ выпил яду и умер. Вот и все их рассказы.

Федон. Так, значит, вы и про суд ничего не знаете, как и что там происходило?

Эхекрат. Нет, об этом-то нам передавали. И мы еще удивлялись, что приговор вынесли давно, а умер он столько времени спустя. Как это получилось, Федон?

Федон. По чистой случайности, Эхекрат. Вышло так, что как раз накануне приговора афиняне украсили венком корму корабля, который они посыпают на Делос.

Эхекрат. А что за корабль?

Федон. По словам афинян, это тот самый корабль, на котором Тесей некогда повез на Крит знаменитые семь пар. Он и им жизнь спас, и сам остался жив. А афиняне, как гласит предание, дали тогда Аполлону обет: если все спасутся, ежегодно отправлять на Делос священное посольство. С той поры и поныне они неукоснительно, год за годом, его отправляют. И раз уж снарядили посольство в путь, закон требует, чтобы все время, пока корабль не прибудет на Делос и не возвратится назад, город хранил чистоту и ни один смертный приговор в исполнение не приводился. А плавание иной раз затягивается надолго, если задуют противные ветры. Началом священного посольства считается день, когда жрец Аполлона возложит венок на корму корабля. А это случилось накануне суда - я уже вам сказал. Потому-то и вышло, что Сократ пробыл так долго в тюрьме между приговором и кончиной.

Эхекрат. Ну, а какова была сама кончина, Федон? Что он говорил? Как держался? Кто был при нем из близких? Или же власти никого не допустили и он умер в одиночестве?

Федон. Да что ты, с ним были друзья, и даже много друзей.

Э х е к р а т. Тогда расскажи нам, пожалуйста, обо всем как можно подробнее и обстоятельнее. Если, конечно, ты не занят.

Ф е д о н. Нет, я совершенно свободен и постараюсь все вам описать. Тем более что для меня нет ничего отраднее, как вспоминать о Сократе, - самому ли о нем говорить, слушать ли чужие рассказы.

Э х е к р а т. Но и слушатели твои, Федон, в этом тебе не уступят! Так что уж ты постараися ничего не упустить, будь как можно точнее!

Ф е д о н. Хорошо. Так вот, сидя подле него, я испытывал удивительное чувство. Я был свидетелем кончины близкого друга, а между тем жалости к нему не ощущал - он казался мне счастливцем, Эхекрат, я видел поступки и слышал речи счастливого человека! До того бесстрашно и благородно он умирал, что у меня даже являлась мысль, будто и в Аид он отходит не без божественного предопределения и там, в Аиде, будет блаженнее, чем кто-либо иной. Вот почему особой жалости я не ощущал - вопреки всем ожиданиям, - но вместе с тем философская беседа (а именно такого свойства шли у нас разговоры) не доставила мне привычного удовольствия. Это было какое-то совершенно небывалое чувство, какое-то странное смешение удовольствия и скорби - при мысли, что он вот-вот должен умереть. И все, кто собрался в тюрьме, были почти в таком же расположении духа и то смеялись, то плакали, в особенности один из нас - Аполлодор. Ты, верно, знаешь этого человека и его нрав.

Э х е к р а т. Как не знать!

Ф е д о н. Он совершенно потерял голову, но и сам я был расстроен, да и все остальные тоже.

Э х е к р а т. Кто же там был вместе с тобою, Федон?

Ф е д о н. Из тамошних граждан - этот самый Аполлодор, Кри-тобул с отцом, потом Гермоген, Эпиген, Эсхин, Антисфен. Был и пэззищец Ктесипп, Менексен и еще кое-кто из местных. Платон, по-моему, был нездоров.

Э х е к р а т. А из иноземцев кто-нибудь был?

Ф е д о н. Да, фиванец Симмий, Кебет, Федонд, а из Мегар - Евклид и Терпсион.

Э х е к р а т. А что же Клеомброт и Аристипп?

Ф е д о н. Их и не могло быть! Говорят, они были на Эгине в ту пору.

Э х е к р а т. И больше никого не было?

Ф е д о н. Кажется, больше никого.

Э х е к р а т. Так, так, дальше! О чем же, ты говоришь, была у вас

беседа?

Федон. Постараюсь пересказать тебе все с самого начала.

Мы и до того - и я, и остальные - каждый день непременно навещали Сократа, встречаясь ранним утром подле суда, где слушалось его дело: суд стоит неподалеку от тюрьмы. Всякий раз мы коротали время за разговором, ожидая, пока отопрут тюремные двери. Отпирались они не так уж рано, когда же наконец отпирались, мы входили к Сократу и большую частью проводили с ним целый день. В то утро мы собирались раньше обычного: накануне вечером, уходя из тюрьмы, мы узнали, что корабль возвратился с Делоса. Вот мы и условились сойтись в обычном месте как можно раньше. Приходим мы к тюрьме, появляется привратник, который всегда нам отворял, и велит подождать и не входить, пока он сам не позовет.

- Одиннадцать, - сказал он, - снимают оковы с Сократа и отдают распоряжения насчет казни. Казнить будут сегодня.

Спустя немного он появился снова и велел нам войти.

Войдя, мы увидели Сократа, которого только что расковали, рядом сидела Ксантиппа - ты ведь ее знаешь с ребенком на руках.

Увидев нас, Ксантиппа заголосила, запричитала, по женской привычке, и промолвила так:

Ох, Сократ, нынче в последний раз беседуешь ты с друзьями, а друзья - с тобою.

Тогда Сократ взглянул на Критона и сказал:

- Критон, пусть кто нибудь уведет ее домой. И люди Критона повели ее, а она кричала и била себя в грудь.

Сократ сел на кровати, подогнул под себя ногу и потер ее рукой. Не переставая растирать ногу, он сказал:

- Что за странная это вещь, друзья, - то, что люди зовут "приятным"! И как удивительно, на мой взгляд, относится оно к тому, что принято считать его противоположностью, - к мучительному! Вместе разом они в человеке не уживаются, но, если кто гонится за одним и его настигает, он чуть ли не против воли получает и второе: они словно срослись в одной вершине. Мне кажется, - продолжал он, - что, если бы над этим поразмыслил Эзоп, он сочинил бы басню о том, как бог, желая их примирить, не смог, однако же, положить конец их вражде и тогда соединил их головами. Вот почему, как появится одно - следом спешит и другое. Так и со мной: прежде ноге было больно от оков, а теперь вслед за тем - приятно.

Тут Кебет перебил его:

- Клянусь Зевсом, Сократ, хорошо, что ты мне напомнил! Меня уже несколько человек спрашивали насчет стихов, которые ты здесь

сочинил, - переложений Эзоповых притч и гимна в честь Аполлона, - и, между прочим, Евен недавно дивился, почему это, попавши сюда, ты вдруг взялся за стихи: ведь раньше ты никогда их не писал. И если тебе не все равно, как я отвечу Евну, когда он в следующий раз об этом спросит - а он непременно спросит! - научи, что мне сказать.

- Скажи ему правду, Кебет, - промолвил Сократ, что я не хотел соперничать с ним или с его искусством - это было бы нелегко, я вполне понимаю, - но просто пытался, чтобы очиститься, проверить значение некоторых моих сновидений: не этим ли видом искусства они так часто повелевали мне заниматься. Сейчас я тебе о них расскажу.

В течение жизни мне много раз являлся один и тот же сон. Правда, видел я не всегда одно и то же, но слова слышал всегда одинаковые: "Сократ, твори и трудись на поприще Муз". В прежнее время я считал это призывом и советом делать то, что я и делал. Как зрители подбадривают бегунов, так, думал я, и это сновидение внушает мне продолжать мое дело - творить на поприще Муз, ибо высочайшее из искусств - это философия, а ею-то я и занимался. Но теперь, после суда, когда празднество в честь бога отсрочило мой конец, я решил, что, быть может, сновидение приказывало мне заняться обычным искусством, и надо не противиться его голосу, но подчиниться: ведь надежнее будет повиноваться сну и не уходить, прежде чем не очистишься поэтическим творчеством. И вот первым делом я сочинил песнь в честь того бога, чей праздник тогда справляли, а почтив бога, я понял, что поэт - если только он хочет быть настоящим поэтом - должен творить мифы, а не рассуждения. Сам же я даром воображения не владею, вот я и взял то, что было мне всего доступнее, - Эзоповы басни. Я знал их наизусть и первые же какие пришли мне на память, переложил стихами. Так все и объясни Евну, Кебет, а еще скажи ему от меня "прощай" и прибавь, чтобы как можно скорее следовал за мною, если он человек здравомыслящий. Я-то видимо, сегодня отхожу - так велят афиняне.

Тут вмешался Симмий:

- Да как же убедить в этом Евна, Сократ? Мне много раз приходилось с ним встречаться, и, насколько я знаю этого человека, ни за что он не послушается твоего совета по добной воле.

- Почему же? Разве Евен не философ?

- По-моему, философ, - отвечал Симмий.

- Тогда он согласится со мною - и он, и всякий другой, кто относится к философии так, как она того требует и заслуживает. Правда,

руки на себя он, вероятно, не наложит: это считается недозволенным.

С этими словами Сократ спустил ноги на пол и так сидел уже до конца беседы.

Кебет спросил его:

- Как это ты говоришь, Сократ: налагать на себя руки не дозволено, и все-таки философ соглашается отправиться следом за умирающим?

- Ну и что же, Кебет? Неужели вы - ты и Симмий - не слышали обо всем этом от Филолая?

- Нет. По крайней мере, ничего ясного, Сократ.

- Правда, я и сам говорю с чужих слов, однако же охотно повторю то, что мне случалось слышать. Да, пожалуй, оно и всего уместнее для человека, которому . предстоит переселиться в иные края, - размышлять о своем переселении и пересказывать предания о том, что ждет его в конце путешествия. В самом деле, как еще скоротать время до заката?

- Так почему же все-таки, Сократ, считается, что убить самого себя непозволительно? Сказать по правде, я уже слышал и от Филолая, когда он жил у нас, я возвращаюсь к твоему вопросу, - и от других, что этого делать нельзя. Но ничего ясного я никогда ни от кого не слыхал.

- Не надо падать духом, - сказал Сократ, - возможно, ты еще услышишь. Но пожалуй, ты будешь изумлен, что среди всего про-чего лишь это одно так просто и не терпит никаких исключений, как бывает во всех остальных случаях. Бессспорно, есть люди, которым лучше умереть, чем жить, и, размышляя о них - о тех, кому лучше умереть, - ты будешь озадачен, почему считается нечестивым, если такие люди сами окажут себе благодеяние, почему они обязаны ждать, пока их благодетельствует кто-то другой.

Кебет слегка улыбнулся и отвечал:

- Зевс свидетель - верно!

Эти слова он произнес на своем наречии.

- Конечно, это может показаться бессмысленным, - продолжал Сократ, - но, на мой взгляд, свой смысл здесь есть. Сокровенное учение гласит, что мы, люди, находимся как бы под стражей и не следует ни избавляться от нее своими силами, ни бежать, величественное, на мой взгляд, учение и очень глубокое. И вот что еще, Кебет, хорошо сказано, по-моему: о нас пекутся и заботятся боги, и потому мы, люди, часть божественного достояния. Согласен ты с этим или нет?

- Согласен, - отвечал Кебет.

Но если бы кто-нибудь из тебе принадлежащих убил себя, не спривившись предварительно, угодна ли тебе его смерть, ты бы, верно, разгневался и наказал бы его, будь это в твоей власти?

- Непременно! - воскликнул Кебет.

- А тогда, пожалуй, совсем не бессмысленно, чтобы человек не лишил себя жизни, пока бог каким-нибудь образом его к этому не принудит, вроде как, например, сегодня - меня.

- Да, это, пожалуй, верно, - сказал Кебет. - Но то, о чем ты сейчас говорил, будто философы с легкостью и с охотою согласились бы умереть, - это как-то странно, Сократ, раз мы только что правильно рассудили, признав, что бог печется о нас и что мы - его достояние. Бессмысленно предполагать, чтобы самые разумные из людей не испытывали недовольства, выходя из-под присмотра и покровительства самых лучших покровителей - богов. Едва ли они верят, что, очутившись на свободе, смогут лучше позаботиться о себе сами. Иное дело - человек безрассудный: тот, пожалуй, решит как раз так, что надо бежать от своего владыки. Ему и в голову не придет, что подле доброго надо оставаться до последней крайности, о побеге же и думать нечего. Побег был бы безумием, и, мне кажется, всякий, кто в здравом уме, всегда стремится быть подле того, кто лучше его самого. Но это очевиднейшим образом противоречит твоим словам, Сократ, потому что разумные должны умирать с недовольством, а неразумные - с весельем.

Сократ выслушал Кебета и, как показалось, обрадовался его пытливости. Обведя нас взглядом, он сказал:

- Всегда-то Кебет отыщет какие-нибудь возражения и не вдруг соглашается с тем, что ему говорят.

А Симмий на это:

- Да, Сократ, и мне тоже кажется, что Кебет говорит дело. С какой стати людям поистине мудрым бежать от хозяев, которые лучше и выше их самих, и почему при расставании у них должно быть легко на сердце? И мне кажется, Кебет метит прямо в тебя. Ведь ты с такой легкостью принимаешь близкую разлуку и с нами, и с теми, кого сам признаешь добрыми владыками, - с богами.

- Верно, - сказал Сократ, - и, по-моему, я вас понял: вы предъявляете обвинение, а я должен защищаться, точь-в-точь как в суде.

- Совершенно справедливо! - сказал Симмий.

- Ну, хорошо, попробую оправдаться перед вами более успешно, чем перед судьями. Да, Симмий и Кебет, если бы я не думал, что отойду, во-первых, к иным богам, мудрым и добрым, а во-вторых, к

умершим, которые лучше живых, тех, что здесь, на Земле, я был бы не прав, спокойно встречая смерть. Знайте и помните, однако же, что я надеюсь прийти к добрым людям, хотя и не могу утверждать это со всею решительностью. Но что я предстану пред богами, самыми добрыми из владык, - знайте и помните, это я утверждаю без колебаний, решительнее, чем что бы то ни было в подобном же роде! Так что никаких оснований для недовольства у меня нет, напротив, я полон радостной надежды, что умерших ждет некое будущее и что оно, как гласят и старинные предания, неизмеримо лучше для добрых, чем для дурных.

- И что же, Сократ? - спросил Симмий. - Ты намерен унести эти мысли с собою или, может быть, поделишься с нами? Мне, по крайней мере, думается, что и мы вправе получить долю в этом благе. А вдобавок, если ты убедишь нас во всем, о чем станешь говорить, вот тебе и оправдательная речь.

- Ладно, попытаюсь, - промолвил Сократ. - Но сперва давайте послушаем, что скажет наш Критон: он, по-моему, уже давно хочет что то сказать.

- Только одно, Сократ, - отвечал Критон. - Прислужник, который даст тебе яду, уже много раз просил предупредить тебя, чтобы ты разговаривал как можно меньше: оживленный разговор, дескать, горячит, а всего, что горячит, следует избегать - оно мешает действию яда. Кто этого правила не соблюдает, тому иной раз приходится пить отраву дважды и даже трижды.

А Сократ ему:

- Да пусть его! Лишь бы только делал свое дело, пусть даст мне яду два или даже три раза, если понадобится.

- Я так и знал, - сказал Критон, - да он давно уже мне докучает.

- Пусть его, - повторил Сократ. - А вам, мои судьи, я хочу теперь объяснить, почему, на мой взгляд, человек, который действительно посвятил жизнь философии, перед смертью полон бодрости и надежды обрести за могилой величайшие блага. Как это возможно, Симмий и Кебет, сейчас попытаюсь показать. Те, кто подлинно предан философии, заняты на самом деле только одним - умиранием и смертью. Люди, как правило, этого не замечают, но если это все же так, было бы, разумеется, нелепо всю жизнь стремиться только к этому, а потом, когда оно оказывается рядом, негодовать на то, в чем так долго и с таким рвением упражнялся!

Симмий улыбнулся.

[Душа и тело с точки зрения познания истины]

- Клянусь Зевсом, Сократ, - сказал он - мне не до смеха, но ты

меня рассмешил. Я думаю, большинство людей, услыхав тебя, решили бы, что очень метко нападают на философов, да и наши земляки присоединились бы к ним с величайшей охотой: ведь философы, решат они, на самом деле желают умереть, а стало быть, совершенно ясно, что они заслуживают такой участии.

- И правильно решат, Симмий, только вот насчет того, что им ясно, - это неправильно. Им не понятно и не ясно, в каком смысле желают умереть и заслуживают смерти истинные философы и какой именно смерти. Так что будем лучше обращаться друг к другу, а большинство оставим в покое. Скажи, как мы рассудим: смерть есть нечто?

- Да, конечно, - отвечал Симмий.

- Не что иное, как отделение души от тела, верно? А "быть мертвым" - это значит, что тело, отделенное от души, существует само по себе и что душа, отделенная от тела, - тоже сама по себе? Или, быть может, смерть - это что-нибудь иное?

- Нет, то самое, - сказал Симмий.

- Теперь смотри, друг, готов ли ты разделить мой взгляд. Я думаю, мы сделаем шаг вперед в нашем исследовании, если начнем вот с чего. Как, по-твоему, свойственно философу пристрастие к так называемым удовольствиям, например к питью или к еде?

- Ни в коем случае, о Сократ, - отвечал Симмий.

- А к любовным наслаждениям?

- И того меньше!

- А к остальным удовольствиям из числа тех, что относятся к уходу за телом? Как тебе кажется, много они значат для такого человека? Например, щегольские сандалии, или плащ, или другие наряды, украшающие тело, - ценит он подобные вещи или не ставит ни во что, разумеется, кроме самых необходимых? Как тебе кажется?

- Мне кажется, ни во что не ставит. По крайней мере, если он настоящий философ.

- Значит, вообще, по-твоему, его заботы обращены не на тело, но почти целиком - насколько возможно отвлечься от собственного тела - на душу?

- По-моему, так.

- Стало быть, именно в том прежде всего обнаруживает себя философ, что освобождает душу от общения с телом в несравненно большей мере, чем любой другой из людей?

- Да, пожалуй.

- И наверное, Симмий, по мнению большинства людей, тому, кто